

ЭДУАРД III КАК ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО КОРОЛЯ ПО ДАННЫМ ЖАНА ФРУАССАРА

Н. А. Закрочинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

Научный руководитель – И. О. Евтухов, доктор исторических наук, профессор

Автор на основе анализа последней редакции хроники Фруассара вычленяет идеальный образ средневекового западноевропейского монарха. Образ формировался на протяжении всего написания труда. Главный стержень образа – концепция «король-рыцарь». Эдуард III является самой высшей точкой в проявлении рыцарских добродетелей среди иных монархов. Образ может работать только в Английском королевстве, что предопределено социальным консенсусом среди населения.

Ключевые слова: Жан Фруассар; Эдуард III; рыцарские добродетели; образ короля; средневековая историография XIV в.

К концу своего жизненного пути Жан Фруассар окончательно формирует идеальный образ средневекового короля, черты которого прослеживаются уже с начала написания им хроники. Однако конечный вариант воплотился в английском короле Эдуарде III. Это непосредственно выразилось и в переписывании своего труда, который отобразился в Римском манускрипте как проанглийской редакции хроники Жана Фруассара.

Чтобы начать конструировать образ идеального монарха, следует сделать обязательную ремарку того, где может существовать данный образ. Вначале своего нарратива хронист даёт характеристику английскому народу. Проводя социальную стратификацию, мы наблюдаем, что в английском обществе достигнут консенсус между социальными низами королевства и феодалами. К тому же, мы видим ограничения королевской власти по отношению к налогообложению, когда монарх не в состоянии вотировать налоги, т.к. сразу же его настигнет вооруженное сопротивление [1, с. 227–228]. Хронист создает, несомненно, положительный стереотип касательно английского народа, где старается показать нам его сплочённость и единство. Впоследствии это позволяет преподнести идеальную страну перед всеми и поставить ее в пример другим народам.

Главным фундаментом образа для Эдуарда III является концепция, выработанная хронистом, как «король-рыцарь». Она из себя предполагает, что король обязан в своем поведении, как и на поле боя, так и при взаимодействии с королевской семьей, придворной аристократией, рыцарским войском соответствовать рыцарской парадигмой поведения.

Предусматривается, что король должен исполнять ряд добродетелей – мужество, доблесть, отвага, преданность, куртуазность. В случае, если монарх не исполняет и нарушает данные добродетели даже в угоду политической целесообразности, то Фруассар критикует, где рассматривает монарха не как политическое тело, а представителя рыцарского сословия. Примером исполнения данного поведения является участие в рыцарском поединке после взятия Кале в 1347 г. Эдуард III выходит на битву с французом Эташем де Рибемоном. Хронист нам показывает его великолепное мастерство по сравнению с его противником и в результате чего взял в плен этого рыцаря [2, с. 364–365]. Уже после победы монарха хронист переносит нас на аудиенцию между Эташем и Эдуардом, где победитель вручает проигравшему подарок в лице венца из чистого жемчуга, а также выход из плена даром. С одной стороны, эта история показывает: как сдача в плен благородному и храброму воину помогает избежать потенциального позора [3, р. 181–182]. При этом Эдуард идет против концепций, которые культивировались в рыцарских романах, где побеждённый рыцарь изображался униженным своим похитителем. Также рыцарская мораль подтверждается в лице щедрости монарха, которая и аргументирует богатство правителя среди населения королевства. В ином случае он мог бы потребовать определенную сумму, чтобы вложить ее в казну королевства. Ведь, чтобы одаривать, вознаграждать наиболее отличивших перед королём вассалов требуется накапливать сокровища [4, с. 198]. Дальнейшая судьба Эташа неизвестна, однако можно констатировать, что сам подарок имел огромную важность для француза, т.к. такие дары сохраняли те качества, которые имелись у Эдуарда III. А носитель подарка мог их абсорбировать.

Хронист искусственно стремится под короля-воителя подвести и его жену, которая должна соответствовать своему супругу. Когда в 1347 г. Кале сдался англичанам, то Эдуард III потребовал вывести из него 6 самых богатых горожан, чтобы они вручили ключи от твердыни, а потом были казнены. Конечно, этот отрывок мы можем увидеть и в первоначальной редакции, однако здесь хронист показывает свой акцент на то, как Эдуарда предупреждают, что он «...знаменит и известен как образец высочайшего благородства и великодушия!» [2, с. 355]. А данная казнь может навредить его репутации, которая потенциально нивелирует уважение к монарху среди английского населения. Последнее может в этом усмотреть проявление жестокости, которая прямо ведёт к тирании. А это автоматически может нас наталкивать на ситуацию, связанную с Эдуардом II и Ричардом II, между которыми хронист ставил знак равно. А также создавался прецедент для правовой защиты населения и дальнейшего свержения [6, р. 241]. При этом последующее помилование, ав-

тором которого была жена Эдуарда, послужило на пользу королю. Ведь это позволило повысить свой престиж за счет такого поступка, а также была дана возможность публично изменить свое мнение без потери чести [5, р. 40]. Однако здесь важна и роль королевы Филиппы в лице заступницы, которая будучи беременной кинулась в ноги, чтобы муж пощадил горожан. Важность этого добавления в сюжет детерминирована тем, что мы видим реалии отношения к царственности и заступничеству. В случаях, если авторитет и власть королевы могли оспариваться и изображались как непостоянные, то для Фруассара в данном контексте влияние жены на мужа неоспоримо. Это объяснялось близкими отношениями между ними. И заступничество выражалось в посредничестве между королём и новыми подданными [5, р. 24]. В то же время идеальная дама выполняет в данном нарративе крайне важные функции, чтобы в повествовании сохранить все черты высокоморального монарха, а также не отступить от рыцарских добродетелей.

Затрагивая взаимоотношения между королем и парламентом, то хронист стремится на его сессиях показать монарха, который восседает над всеми сословиями, чтобы еще более подчеркнуть его главенствующую и превалирующую роль в работе сословного органа. Дополнительно подчёркивается, что он одет и в его руках присутствуют все необходимые королевские регалии [1, с. 310]. И как следствие, за Эдуардом будет оставаться последнее слово. В этом плане Фруассар пересекается с политическими трактатами времен Эдуарда II, которые заявляли, что парламент – это королевское собрание. А сам король есть «глава, начало и конец парламента, и поэтому нет ему равных» [7, р. 196–197]. Следовательно, сам сословно-представительный орган не может созываться без короля. А если не будет присутствовать кто-либо из представителей сословий, то в любом случае итоги парламента вступают в силу. Хронист продолжает развивать концепцию «хороших» и «плохих» советников, т.к. в нарративе явно говорится, что участники парламента высказывают своё мнение королю [1, с. 311]. Однако мы не видим, чтобы парламент принимал какое-то активное давление на монарха, а просто высказывал свои идеи, где за монархом остается последнее слово. Следовательно, парламент больше соответствует роли консультативной инстанции короля, где королю требуется считаться с мотивами и интересами советников, народа, аристократов по вопросам субсидий, налогообложения, объявления войны и мира [6, р. 285–287]. Подразумевается, что только монарх, способный управлять советом и умеющий примирить противоречивые интересы различных политических группировок сумеет стать великолепным европейским средневековым королем.

По итогу, можно констатировать, что идеал Эдуард III состоит из уже выработанной самим хронистом концепции «король-рыцарь», которая в своем воплощении достигла полного раскрытия в нарративе про-английской редакции. Образ должен соответствовать рыцарской парадигме поведения и соблюдать определенный кодекс чести. С идеальным монархом должна быть идеальная жена, которая не допускает потери чести монарха и отрицательного исполнения рыцарских добродетелей. Сословное представительство должно исполнять только консультативные функции при монархе, где за последним остается решающее политическое решение в королевстве.

Библиографические ссылки

1. *Фруассар Ж.* Хроники. 1325–1340. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009.
2. *Фруассар Ж.* Хроники. 1340–1350. Санкт-Петербург : Издательство РХГА; Ювента, 2012.
3. *Taylor C.* Chivalry and the Ideals of Knighthood on France during the Hundred Years War. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
4. *Малинин Ю. П.* Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М.В. Аникиев [и др.] // Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.
5. *Tingle L.* Royal Women, Intercession, and Patronage in England, 1328–1394. Cardiff: Cardiff University, 2019.
6. *Ainsworth P.* Jean Froissart and the fabric of history: truth, myth and fiction in the Chroniques. Oxford : Clarendon press, 1990.
7. *Bradford Ph. J.* Parliament and Political Culture in Early Fourteenth Century England. York: University of York, 2007.